

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Чѣмъ дальше въ дѣйствительной жизни уходишь отъ дѣтства и ранней молодости, тѣмъ ближе онѣ становятся въ воспоминаніи и тѣмъ сильнѣе влекутъ къ себѣ. Зрѣлый возрастъ, осуществленіе того, къ чему стремилась и готовилась юность, то что въ сущности и есть сама жизнь, кажется достаточно безразличнымъ, тусклымъ, не выполненнымъ обѣщаннаго. На самомъ дѣлѣ оно, вѣроятно, не такъ, но несомнѣнно одно, что лишь дѣтству и юности свойственны такая все охватывающая непосредственная радость бытія, беззаботное умѣнье наслаждаться настоящимъ и сила любви и привязанности къ людямъ и вещамъ, любви безкорыстной, не имѣющей ничего общаго со страстью, довольствующейся малѣйшимъ вниманіемъ, и благая вѣра въ то, что все люди хороши, за исключеніемъ особаго, малочисленнаго къ тому же, класса злыхъ людей, которые таковыми уже родятся и поневолѣ выполняютъ свои злодѣйскія обязанности. Въ «совершенномъ» возрастѣ обычно отсутствуетъ, естественно присущее дѣтству, чудное свойство всепрощенія и забвенія обидъ, столь облегчающее и упрощающее жизнь. И много другого тяжелаго и плохого, охватывающаго зрѣлый возрастъ, пѣтъ въ дѣтствѣ. Вотъ почему, думается, оно такъ мило намъ.

По поводу «злodeевъ» вспоминаю, что ихъ тогда, въ дѣтствѣ моемъ, было двѣ категоріи—историческіе и наличные; къ первымъ относились, конечно, Стенька Разинъ и Емелька Пугачевъ; что касается Мазепы, то мы колебались: онъ у насъ состоялъ въ «подозрѣніи», каковой приговоръ въ дореформенное время провозглашался не только дѣтьми, но нерѣдко и тогдашними уголовными палатами. Изъ наличныхъ, близкихъ намъ, злодеевъ мнѣ особенно вѣззался въ памяти одинъ казенный лѣсничій, фамилію котораго я давно забылъ, обвинявшійся въ томъ, что онъ напоилъ, съ непонятной для насъ, дѣтей, цѣлью, молодую крестьянку-красавицу, служившую у него кухаркой, отваромъ или настоемъ изъ шпанекпхъ мухъ, отчего та умерла, а его должны были судить, и кто-то изъ нашихъ сосѣдей, при полномъ, впрочемъ, осужденіи такихъ рѣчей нашими домашними, говорилъ: «изъ-за какой-то бабенки можетъ пропасть порядочный человекъ». Мы тоже, помню, не одобрили словъ защитника лѣсничаго, а его самого причислили къ профессиональнымъ злодѣямъ. Боялись мы и считали злодеемъ одного бывшаго нашего же двороваго, отпущеннаго отцомъ на волю, такъ какъ про него шла молва, что онъ изъ мести къ кому-то учинилъ поджогъ, расчитывая

сжечь при этомъ своего врага. Злодѣями признавались нами: сосѣдняя помѣщица, истязавшая дворню, и одинъ нашъ знакомый, совершенно не вѣрившій въ Бога, не соблюдавшій постовъ, не ходившій даже въ церковь и пившій вмѣсто водки, маленькими глотками, скиппдаръ. Кромѣ такихъ злодѣевъ, лично намъ извѣстныхъ, къ ихъ же категоріи мы относили огуломъ бѣглыхъ каторжниковъ и такихъ же солдатъ. Обычный тюремный сидѣлецъ, хотя бы лишенный всѣхъ правъ состоянія, былъ въ общемъ нормальный, быть можетъ даже хорошій человѣкъ, но стоило ему или солдату «бѣжать» и появиться гдѣ-нибудь по близости, таясь днемъ въ лѣсныхъ трупобахъ и питаясь ягодами и кореньями, какъ на такого человѣка падало клеймо злодѣйства, и онъ вызывалъ у всѣхъ, не только у дѣтей, отчаянный страхъ. Припоминаю, однако, что къ этимъ страшнымъ людямъ у насъ проявлялась и жалость, и когда старшіе заговаривали о томъ, что «чего это полиція дремлетъ, давно нужно сдѣлать облаву и взять бѣглаго», то намъ эта мѣра не правилась и мы въ глубинѣ души сочувствовали тѣмъ смѣльчакамъ изъ напшихъ крестьянъ, которые, по рассказамъ горничныхъ въ дѣвичьей, носили бѣглымъ, конечно ночью, въ лѣсъ пищу—краюху хлѣба съ солью, огурцы и горшокъ съ кашей. Разумѣется, злодѣями же мы считали и боялись разбойниковъ, вооруженныхъ дубинками и кистенями, нападавшихъ по большимъ дорогамъ на проѣзжихъ, не только грабившихъ, но и убивавшихъ оказывавшихъ имъ сопротивление путниковъ. Разбойники, какъ доподлинно всемъ было извѣстно, сидѣли всегда на большой дорогѣ въ оврагѣ, подъ мостомъ, и въ моментъ вѣзда экипажа на мостъ выскакивали, останавливали лошадей, хватая ихъ подъ уздцы, и дѣлали свое злодѣйское дѣло. Въ ту пору такія нападенія совершались не только въ разказахъ, но и въ дѣйствительности, и не на Кавказѣ, какъ оно принято теперь, а достаточно повсемѣстно. Но, конечно, въ болтовнѣ о разбойникахъ и о бѣглыхъ солдатахъ много было преувеличеній, прямо легендарнаго. Вспоминаю одну особу, которую мы, дѣти, отнюдь не относимъ къ категоріи злодѣевъ, боялись; она внушала намъ таинственностью и оригинальностью своей жизни даже суевѣрный страхъ. Это была уже немолодая женщина, по имени, кажется, Мароа Степановна, жившая въ сосѣдней со Спасскимъ Сосновкѣ, на усадбѣ Прокуниныхъ. Она, по собственному желанію, помѣстилась въ одной изъ стоявшихъ во дворѣ холостыхъ построекъ, кажется служившей внизу амбаромъ, а во второмъ этажѣ кладовой, и тамъ въ неотопливившейся каморкѣ-чуланѣ проводила и лѣтніе и зимніе мѣсяцы, никогда не зажигая огня и покидая свое жилище лишь разъ въ день для совмѣтнаго съ женской домашней прислугой Прокуниныхъ обѣда, во время котораго она всегда хранила молчаніе. Что дѣлала Мароа Степановна въ добровольномъ своемъ одиночномъ заключеніи, было неизвѣстно, а также мы не знали, что именно побудило ее избрать такой образъ жизни. Кажется, у нея въ молодости былъ романъ (она была изъ купеческаго сословія), кончившійся печально, даже трагически. Одѣта она была во все темное и высокая не сгибавшаяся фигура ея съ блѣднымъ лицомъ, сохранившимъ слѣды былой красоты, но безжизненнымъ, строгимъ производила внушительное впечатлѣніе. Большіе каріе глаза ея казались намъ особенно страшными, она смотрѣла прямо, не моргая и не отводя глазъ отъ встрѣчнаго взора. Намъ прямо ужасала мысль о томъ, что Мароа Степановна, какъ намъ говорили, не сумасшедшая, долгіе зимніе вечера и ночи проводила одна въ своей каморкѣ въ полной темнотѣ и въ жестокомъ холодѣ.

И вотъ что еще мы считали злодѣяніемъ и о чемъ говорили съ ужасомъ и недоумѣніемъ, говорили шопотомъ, оглядываясь и чего-то боясь,—это «эксекуціи», вѣсти о которыхъ доходили, по отрывкамъ подслушанныхъ разговоровъ старшихъ, и до насъ—дѣтей (это было не въ деревнѣ, а въ Москвѣ), то-есть наказаніе «шпицрутенами» и гоньба солдатъ сквозь строй, при чемъ подъ конецъ несчастный уже не могъ самъ итти и его привязывали къ несомому поперекъ двумя солдатами ружью и въ такомъ видѣ волокли, между двухъ рядовъ солдатъ, вооруженныхъ прутьями, продолжая колотить, а иногда такимъ способомъ тащили и били уже мертвого, не выдержавшаго натяжанія. Этого факта мы совѣмъ не могли понять; онъ не уживался съ нашимъ представленіемъ о томъ, что люди вообще добры; это было что-то чудовищное, кошмарное, нѣчто столь же певѣроятное и страшное, какъ гроза и молнія зимой въ 20 градусовъ мороза. Замѣчая, что и старшіе говорятъ о шпицрутенахъ таинственно-мрачно и неохотно, мы не рѣшались спросить у нихъ объясненія этого злодѣянія, а старались забыть о немъ, чего вскорѣ и достигали. Въ этихъ эксекуціяхъ насъ особенно, помимо ихъ сущности, поражало то, что онѣ производились надъ солдатами, которыхъ все обычно хвалили за храбрость и молодцеватость и которые, судя по тому, какъ у нихъ пѣсенниками пѣлись пѣсни (что мы уже сами слышали) и какъ они плясали съ «ложками», были люди замѣчательно веселые и хорошіе. У насъ «людей» не пороли, а разговоры о томъ, что такой-то дворовый или крестьянинъ наказанъ, насъ не смущали; существованіе наказанія вообще намъ казалось неизбѣжнымъ и естественнымъ; мы и сами подвергались различнымъ наказаніямъ, огорчались, конечно, но не возмущались и даже не протестуя, но гоньба сквозь строй, на нашъ взглядъ, было не наказаніе, а нѣчто именно злодѣйское, страшное и непонятное.

Вотъ тѣ темныя пятна на общемъ сіяніи жизни, которыя были доступны дѣтямъ въ помѣщичьей, болѣе культурной, средѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

Набрасывая теперь, по памяти, черты и событія давнопрошедшей поры дѣтства и юности, я совѣмъ не задаюсь біографическими цѣлями; мнѣ хочется передать общую картину того времени, возстановить бытъ и оживить категорію людей дореформенной эпохи, совершенно исчезнувшихъ теперь съ жизненной сцены. Но не анализируя, а только описывая, мнѣ, для правдивости картины, приходится очерчивать событія и лицъ, съ которыми я встрѣчался, въ моемъ тогдашнемъ пониманіи и оцѣнкѣ ихъ.

Проводя каждое лѣто, а попозднѣе и зиму, въ деревнѣ, я, конечно, всего больше встрѣчался съ нашими дворовыми, сперва настоящими, а потомъ бывшими, и хорошо помню весь личный составъ нашей очень многочисленной «дворни» и взаимныя отношенія господъ и ихъ непосредственныхъ слугъ. Въ этихъ отношеніяхъ господствовала на первый взглядъ какъ бы непримиримая двойственность. Съ одной стороны господа относились почти съ презрѣніемъ къ «своимъ людямъ», не признавали за ними человѣческихъ правъ, а съ другой стороны сближались со многими изъ дворовыхъ, не брезгали ими, привязывались къ нимъ, а иныхъ уважали и любили. Рядомъ съ Васькой, Машкой и Мишкой были люди, которыхъ и старшіе никогда не звали иначе, какъ Василій Даниловичъ, Леоптіи Ивановичъ, Мавра Андреевна. «Ты», конечно, говорилось все, но уменьшительныя прозвища давались (у насъ по крайней мѣрѣ) лишь несовершенно-

лѣтнимъ, пьяницамъ и вообще пустымъ людямъ. Совершенно естественнымъ казалось взять, на примѣръ, на зиму въ Москву Филиппа-ламповщика, оставивъ, не спрашивая на то его согласія, его жену и дѣтей въ деревнѣ, поручать уже почтеннымъ слугамъ, лѣтомъ, при обиліи мухъ, стоять во время обѣда за господскимъ столомъ съ большими вѣтками сирени или другихъ древесныхъ породъ и отгонять мухъ, или посылать уже стараго слугу сбѣгать на конюшню, чтобы велѣть запрячь лошадей; но въ то же время существовала несомнѣнная забота о дѣйствительныхъ (главнымъ образомъ матерьяльныхъ) пуждахъ прислуги и вообще дворовыхъ; ихъ жизнью господа интересовались и знали основательно положеніе каждой семьи. Тутъ, надо думать, кромѣ побужденій гуманнаго характера, имѣло значеніе чувство собственника по отношенію къ «своимъ людямъ»; ихъ берегли, ими хвастались и ихъ, если они не были люди протеста, «грубіяны», любили.

Не все дворовые относились отрицательно къ факту принадлежности ихъ господамъ; многимъ изъ нихъ казалось, что крѣпостное право—явленіе естественное, міровое, освященное небомъ, что люди не могутъ быть равны, что, какъ все человѣчество принадлежитъ Богу, какъ солдаты принадлежатъ Царю, такъ мужики и дворовые принадлежатъ своимъ приращеннымъ господамъ и повинны имъ покорностью, а тѣ заботою о своихъ людяхъ. Вотъ къ факту продажи крѣпостныхъ помѣщиками на сторону все они относились очень отрицательно, но такіе случаи въ пятидесятыхъ годахъ встрѣчались рѣдко, а къ шестидесятымъ годамъ и совсѣмъ прекратились. Однако, далеко не все крѣпостные мыслили столь покорно и благодушно; чувство несправедливости положенія крѣпостныхъ было присуще вѣроятно большинству, но въ форму протеста при сноскомъ обращенія господъ съ ихъ вассалами не переходило. Почва для такихъ протестовъ находилась, впрочемъ, и въ помѣстьяхъ, мягко управлявшихся, а именно, когда у кого-либо изъ господъ завязывались любовныя отношенія съ представительницами женскаго пола данной дворни или села. Такіе случаи, когда въ семьѣ помѣщика бывало много холостой молодежи, встрѣчались очень часто; любовныя связи, иныя весьма краткосрочныя, а другія, напротивъ, длительныя, считались явленіемъ нормальнымъ и, разъ какъ при этомъ не было допущено какихъ-либо злоупотребленій или обмана, и объектомъ расположенія барчука или и самого барина была вдова или дѣвушка, то эти случаи проходили почти незамѣтно, а иногда бывали даже и очень по сердцу семьѣ излюбленной бариномъ дѣвушки, такъ какъ сопровождались обычно разными милостями и дарами родственникамъ дѣвицы. Протесты, и иной разъ достаточно бурные, происходили, когда у мужа «отбивалась» жена или у жениха невѣста. О такихъ случаяхъ протеста, переходившихъ даже въ уголовную сферу, я слыхалъ не разъ рассказы, относившіеся, впрочемъ, къ болѣе отдаленному прошлому. Кончались такія столкновенія и протесты,—разлукой, фактическимъ разводомъ, примиреніемъ на денежной подкладкѣ.

Но и помимо какого-либо, хотя бы внутренняго, ни въ чемъ явно не проявлявшагося протеста, дворовые, испытывая то же двойное чувство по отношенію къ господамъ, относились къ нимъ, если не враждебно, то тоже съ презрѣніемъ и насмѣшкой, и считали совершенно для себя дозволеннымъ пользованіе, запретно и тайно, барскимъ добромъ. Тутъ, разумѣется, была извѣстная градация: взять изъ лежащаго въ столбѣ или сундукѣ бумажника барина деньги было бы

постыдной кражей, по пользованіе естественными продуктами, извлеченіе не совѣтъ законныхъ выгодъ изъ даваемыхъ порученій въ ущербъ экономіи, пользованіе вещами господъ,—все это широко допускалось и не считалось преступнымъ: брали, вѣдь, не у чужихъ, а у своихъ. Обманывать господъ было вполне естественно и просто, такъ же, какъ заочно бранить и злословить во всю. Но при этомъ и у дворовыхъ была своего рода привязанность и даже любовь къ господамъ; они въ иныхъ случаяхъ готовы были многимъ пожертвовать для блага господъ, дѣлили печали и горести ихъ, бывали случаи, что даже матеріально помогали и тоже, если господа чѣмъ-либо славились, были извѣстны, гордились ими и хвастались.

Всего чаще привязанность къ господамъ встрѣчалась у дворовыхъ, проводившихъ всю жизнь въ барскомъ домѣ, въ семьѣ господъ, втягиваясь понемногу въ жизнь и интересы ихъ, особенно, если дворовые были люди не семейные. Прототипомъ такихъ дѣйствительно и безкорыстно преданныхъ «господамъ» лицъ бывали няни, дѣвушки въ молодыхъ еще годахъ приставленные къ «дѣтской», воспитавшія иной разъ не одно поколѣніе барчатъ и привязавшіяся къ нимъ чувствомъ, не уступавшимъ родительскому. Нерѣдко такія няни, пока имъ шли еще молодые годы, удерживались отъ брака, къ которому ихъ влекло естественное чувство, господами, и не прямо насильно, а уговорами, посулами. Случалось, что такъ замирало романтическое чувство, вызывая крушеніемъ своимъ безсонныя ночи и слезы, послушавшейся господъ и оставшейся при дѣтской, дѣвушки. Но со временемъ острота огорченія притуплялась, зарождалось чувство любви къ порученнымъ нянѣ чужимъ дѣтямъ, привычка къ нѣкоторой холѣ, къ обычно окружавшему умѣлую няню почету и заботѣ о ея удобствахъ; все это брало верхъ надъ мечтами о личной семейной жизни и няня становилась почти членомъ барской семьи, пользовавшимся большимъ авторитетомъ. Не всегда, однако, питомцы платили ей такую же любовью и, случалось, о ней забывали, и бѣдная старушка, вспоминая прошлое, одиноко, иной разъ на чужой сторонѣ, грустно коротала свой, отданный господамъ, вѣкъ вдали отъ нихъ. Этотъ типъ няни, не совѣтъ исчезнувшій и послѣ крѣпостного права, хорошо извѣстенъ и не только отбѣчень, но и воспѣтъ въ нашей литературѣ.

Отчетливо помню я свою няню—Прасковью Лазаревну, помню еще не старой женщиной, а потомъ ужъ старушкой, оставшейся въ нашей семьѣ до конца жизни, которая въ главномъ была посвящена намъ. Она была, конечно, изъ нашихъ же дворовыхъ; кажется, въ ранней молодости у нея былъ тайный романъ и связь, порвавшаяся потомъ; но объ этомъ я, конечно, узналъ, когда я уже былъ взрослымъ. Любилъ я свою Парашу безгранично и не признавалъ за ней никакихъ недостатковъ; она была вообще некрасива и значительно косила глазами, но я не только не замѣчалъ этого недостатка, но горячо спорилъ со старшими, доказывая, что это неправда и что Параша (я ее не звалъ няней почему-то)—красавица, и въ концѣ концовъ отчаянно плакалъ отъ обиды. Любовь къ Парашѣ,— конечно, уже не въ той степени и горячности,—я сохранилъ до ея смерти, ежегодно выдавая съ ней, когда я уже вступилъ въ университетъ и позже, а она изъ нашего большого дома перешла на жительство къ моей сестрѣ, занявъ у нея (въ деревнѣ) должность экономки. Я имѣлъ полное основаніе любить Парашу, ибо она платила мнѣ тѣмъ же и заботамъ ея обо мнѣ въ дѣтствѣ, ласкамъ и баловству не было предѣловъ. Съ поразительнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ

переносила она все мои детские капризы и требования; она никогда не ворчала на меня, хотя в пылые ночи я раза по два будил ее и звал к своей кровати, чтобы покрыть меня сбившимся, будто, одеялом, которое я нарочно скидывал с себя, желая осязательно убедиться в том, что я не один в темной комнате и что Параша действительно тут со мной; помню, что когда она, устав, ложилась днем отдохнуть, я пользовался этим и, признав ее больной, начинал лечить, безжалостно прикладывая к ее голове компрессы, сооружаемые мною из сложенной в несколько раз бумаги или тряпочек, намоченных в воде, чем, конечно, мешал ей заснуть. Сколько раз она укрывала меня от гнива или даже наказания пред родителями, а позднее учителем, заступаясь за меня и не выдавая моего проступка. Помню, когда я уже стал ученым мужем и мог связно читать, какой удивительно восприимчивой и приятной слушательницей она бывала. Я обычно читал Параше вслух очень мною ценившуюся тогда книгу «Новый Робинзон или Швейцарское семейство», и она с неподражаемой искренностью удивлялась давно и подробно ей известным героическим деяниям «Фрица» и «Якова», добротам «Луизы» и разумности «отца». Одной функцией няни Прасковья Лазаревна не выполняла, она не рассказывала мне сказок и даже не знала наизусть ни одной. Как сейчас вижу Парашу сидящую в детской за большим круглым столом и шьющую что-то белое, приколотое к подушке, в середине которой имело что-то очень тяжелое—кажется кирпич,—не дававшее ей сдвинуться с места (швейка?), при чем обычно у нее на спине, под черной пелеринкой, пребывала одна из моих двух белок, очень ручная,—Ганс. Параша нюхала табак, но делала это украдкой. Помню, уже гораздо позднее, когда мы жили в деревне и я состоял не при Параше, а при гувернерше Herr Streuge, но она, разумная, оставалась у нас в доме на почетном положении, как она важно и серьезно, стоя у конца большого стола, где сосредоточивались на громадном подносе самовары, чайник и другие принадлежности чаепития, чашки и стаканы, распоряжалась всем этим два раза в день, утром и вечером, слушая болтовню многочисленных участников, носившего тогда несколько торжественный характер, семейного чайного собрания, но не участвуя в общем разговоре с момента прихода старшей хозяйки, а до этого любезно разговаривая с подходившими к столу. Теперь, кажется, таких, имевших в себе нечто церемониальное, ежедневных чайных собраний с непреклонным участием классического формою самовара, не бывает больше, да и самовар уже не столь обязателен и легко заменяется спиртовой бульоткой и иными модными суррогатами, продолжая, впрочем, служить человечеству, но не явно, а пребывая в сених или буфетной комнате.

Параша не знала сказок, но детство мое не обошлось, все-таки, без них; обязанность сказочницы брала на себя старшая горничная матушки Авдотья Ивановна. Рассказчица Дуняша, как мы ее звали, была превосходная; она не редко импровизировала и, передавая какую-либо общезвестную сказку, вплетала в нее новые, придуманные ею самой, подробности и оживляла рассказ присутствием ей юмором. Она не только сменила, она умела в страшных местах сказки так передать их, меняя голос и интонацию, а иногда и пародируя описываемых лиц или зверей, что мы, дети, испытывали страх. Особенно страшно выходило у нее рассказ о медведе на липовой ножке, где, между прочим, речитативом говорится, почти поется, что-то в этом роде: «...скрипу,

скрипу, скрипу на липовой ножкѣ... вся деревня спитъ, одна баба не спитъ, на моей шкуркѣ сидитъ, мою шеретку прядетъ» ...

Авдотья Ивановна была не нашей крѣпостной; она происходила изъ дворовыхъ с. Троицкаго князя Андрея Петровича Оболенскаго и къ намъ въ домъ вошла вмѣстѣ съ матушкой, горничной которой она состояла еще до ея замужества, въ числѣ прочаго приданаго, при выходѣ матушки замужъ за отца. Наша степная дворня, какъ мнѣ рассказывали, вначалѣ очень косилась на подмосковную бѣлоручку, выросшую въ княжескомъ домѣ, непожелавшую, къ тому же, являться съ представителями нашей коренной дворни. Но во внѣ враждебность эта, въ виду расположенія матушки къ Дуняшѣ, ничѣмъ не выразилась, а со временемъ и совсѣмъ прошла, тѣмъ болѣе, что Авдотья Ивановна сторонилась отъ остальной прислуги не изъ гордости, а изъ присущаго ей чувства дѣвственной стыдливости и перасположенія къ лицамъ мужского пола. Она не только сама была дѣвственницей, но зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы подчпненные ей дѣвицы не увлекались кѣмъ-либо законно или незаконно, въ случаѣ провинности въ этомъ любовномъ, а то просто легкомысленномъ, направленіи кого-либо изъ нихъ, прямо свирѣпствовала, хотя въ остальномъ была очень добра, и настаивала на удаленіи изъ дома такой пошалившей дѣвицы. Казалось, что главная ея обязанность заключается вовсе не въ уходѣ за матушкой, а, именно, въ охраненіи, во чтобы то ни стало, невинности, состоявшихъ въ ея подчпненіи молодыхъ дѣвиць, что иногда ей и удавалось.

Но одна изъ нашихъ прирожденныхъ Спасскихъ дворовыхъ дѣвиць—Лиза, а подъ старость Елизавета Артемьевна, во всю свою жизнь питала недружелюбное чувство къ Авдотѣ Ивановнѣ и не могла помириться съ проникновеніемъ въ родную крѣпостную обстановку чужеземки. Для этого была, впрочемъ, особая причина: Елизавета Артемьевна, кажется, питала въ тайникѣ души своей романтическую любовь къ отцу моему, о чемъ онъ и не догадывался; Елизавета была особа скромная, а кромѣ того, наружностью своей совершенно не подходила къ роли влюбленной. Она сложениемъ своимъ скорѣе напоминала мужчину и была, при громадномъ ростѣ, замѣчательно костлява, но съ выдающимся валикомъ животомъ, а лицомъ была не казиста, при чемъ бросались въ глаза громадныхъ размѣровъ мясистый носъ, который она (на моей уже памяти) усердно набивала табакомъ, и росшіе на подбородкѣ рѣдкіе волосы. Въ ранней молодости Лиза состояла горничной при моей бабушкѣ Софѣ Фоминишнѣ—матери отца, персонѣ, судя по отзывамъ о ней ея современниковъ и по сохранившимся у меня ея письмамъ, обладавшей довольно тяжелымъ и строптивымъ, а при томъ очень расположеннымъ къ властвованію, характеромъ. Судя по письмамъ Софьи Фоминишны, бракъ отца на моей матери, рожденной княжнѣ Оболенской, состоявшийся безъ какого-либо ея участія (дѣдъ умеръ когда отцу было не болѣе 5 лѣтъ), не былъ ей симпатиченъ и едва ли она питала особенно благожелательныя чувства къ своей невѣсткѣ, въ виду чего, какъ надо думать, и переселилась изъ Спасскаго, когда мои родители переѣхали изъ Москвы на житье въ деревню, на другую, на много менѣе благоустроенную, усадьбу. И вотъ Лиза, преданная во всемъ какъ нельзя болѣе своей непосредственной госпожѣ, несмотря на ея строгій нравъ, почувствовала нѣчто въ родѣ перасположенія къ матушкѣ, поддержаннаго своего рода ревностью,—но, такъ какъ проявлять такое чувство къ «барынѣ» было неудобно, то она и перенесла его полностью на ея наперсницу—Дуяшу.

Впрочемъ, въ то строго дисциплинированное время, враждебныя чувства Лизы къ какимъ-либо эксцессамъ не приводили. Конечно выходило то, что Лиза была и лично и въ отношеніи надзора надъ домашними юными дѣвками, столь же строгой весталкой, сколько ея врагъ, и тоже считала тягчайшимъ грѣхомъ малѣйшую близость къ мужчинамъ. Матушку, будучи уже старухой, Елизавета Артемьевна таки простила и признала, наконецъ, своей Спасекой. Къ этому времени Лиза, а было оно уже много лѣтъ спустя послѣ смерти Софьи Фоминишны,—жила въ большомъ Спасскомъ домѣ, состоя въ званіи «кофешенки», то-есть, завѣдуя специально кофейнымъ и чайнымъ хозяйствомъ; впоследствии, послѣ смерти коренной нашей экономки Мавры Андреевны, она заняла ея мѣсто. Елизавета Артемьевна хорошо помнила то время,—до женитьбы и вступленія въ управленіе имѣніями моего отца,—когда еще былъ живъ и велъ все большое хозяйство мой прадѣдъ Федоръ Андреевичъ,—человѣкъ совѣтъ другого склада и характера,—крайне строгій и не всегда справедливый со своими людьми, въ которыхъ кромѣ любимчиковъ, видѣлъ только холоповъ. Но ея словамъ жизнь двора при Федорѣ Андреевичѣ была тяжелая и его боялись какъ огня; тѣлесныя наказанія при немъ примѣнялись легко, но зато хозяинъ опъ былъ образцовый и крестьянамъ при немъ жить было въ матеріальномъ отношеніи хорошо, они ни въ чемъ не пуждались. Переданное мнѣ Лизой нашло себѣ подтвержденіе въ сохранившейся перепискѣ прадѣда и дневникѣ дѣда (умершаго молодымъ въ 1812 году). Изъ документовъ этихъ видно, что Федоръ Андреевичъ любилъ веселое житье; въ Спасское зимой и лѣтомъ постоянно наѣзжали гости и господа весело проводили время за картами (выигрывались и проигрывались не только деньги, но вещи, напримѣръ, коляска, тарантасъ, лошади) и выпивкой. Ежедневными гостями были сосѣдніе помѣщики и всевозможныхъ ранговъ губернскіе и уѣздные чиновники, непремѣнно заѣзжавшіе въ Спасское при поѣздкахъ изъ Тамбова въ Моршанскъ и обратно, благо Спасское лежало на самой большой дорогѣ, соединяющей эти города.

Упомянувъ о томъ, что Елизавета Артемьевна простила матушку, я долженъ добавить, что иначе оно и не могло быть, ибо матушка была воплощеніемъ доброты и привѣтливости. Какъ примѣръ, характерный для той эпохи, приведу такую черту: комната Дуняши, въ которой она спала за перегородкой, находилась рядомъ со спальней матушки; утромъ, когда матушка просыпалась, она звала Дуняшу, чтобы помочь ей встать, но если той не хотѣлось еще покидать ночного ложа, она и не думала подниматься и кричала матушкѣ изъ своего апартамента строгимъ голосомъ: «Рано еще вставать! Спите, а то такъ полежите!» И матушка безропотно покорялась и оставалась безъ сна въ постели или приступала къ своему утреннему туалету одна, безъ помощи Дуняши.

Вообще мнѣ не привелось быть свидѣтелемъ мрачныхъ картинъ изъ эпохи крѣпостного права, отчасти оттого, что ко времени, когда я могъ сознательно относиться къ совершавшемуся вокругъ меня, это право было уже на исходѣ и смягчилось, отчасти же потому, что при отцѣ, а въ особенности при матери, обращеніе съ крѣпостными было у насъ гуманное и, напримѣръ, папвысшимъ наказаніемъ для дворовыхъ считалось изверженіе изъ двора: провинившемуся выдавалась со веѣмъ его семействомъ «вольная» и опъ изгонялся съ усадьбы. Такъ уже на моей памяти получилъ отпускную буфетчикъ Апаній въ видѣ наказанія за такое преступленіе: зиму въ томъ году вся наша семья проводила въ

Москвѣ, по Анаіи былъ оставленъ въ Спасскомъ, гдѣ пустой домъ все-таки слегка отапливался; у Анаіи находились, какъ у буфетчика, ключи отъ погреба, въ которомъ былъ достаточный запасъ вина. Лѣтомъ, по нашемъ прїѣздѣ въ Спасское, при первой же поданной бутылкѣ вина, выяснилось что-то пеладное: вкусъ и букетъ вина пезезли и въ бутылкѣ имѣлся какой-то жидкій, кислый и мутный напитокъ; вторая поданная бутылка оказалась въ такомъ же неестественномъ состояніи, а по произведенному тщательному осмотру выяснилось, что почти все бутылки были откупорены, вино изъ нихъ почти полностью вылито, а онѣ дополнены водой и вновь закупорены. Анаіи тотчасъ повинился, сознавшись въ томъ, что онъ, въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, вынулъ все бывшее въ погребѣ вино, разбавляя остатки его въ каждой бутылкѣ водой. Попуталъ его «нечистый» на такое скверное дѣло съ переноя, когда ему опохмелиться было нечѣмъ и не на что, а душа горѣла и ее безудержно тянуло «исправиться». Сначала онъ робѣлъ, шлль понемногу, а тамъ махнулъ на все рукой и проньянствовалъ всю зиму. Въ отуманенномъ мозгу Анаіи держалась мысль, что госнода быть можетъ не замѣтитъ его продѣлку и будутъ пить оставшуюся въ бутылкахъ бурду, принимая ее за хорошее вино. За такое дѣяніе Анаіи, сколь ни просилъ, не былъ прощенъ и, получивъ «вольную», покинулъ съ семьей Спасское, а управляющій имѣніемъ, тоже изъ своихъ, Егоръ Фроловичъ, хотя и возмущался поступкомъ Анаіи и каялся въ недосмотрѣ, въ разговорѣ со старшими служащими высказывалъ даже удовольствіе, что, наконецъ-то, понялъ, почему Анаіи всю зиму казался ему словно выпивши, а между тѣмъ, онъ зналъ достоверно, что ему не на что, да и негдѣ выпить.

Въ средѣ нашей двори было много людей не только способныхъ, а прямо талантливыхъ, но эта талантливость не спасала ихъ отъ бывшаго всеѣмъ имъ присущимъ недостатка—склонности къ пьянству. Даже наиболѣе способные люди тѣмъ сильнѣе поддавались власти вина. У всеѣхъ у нихъ эта слабость проявлялась, обычно, въ формѣ классическаго запоя, дливнагося иногда недѣлями. И тутъ ужъ ничего не помогало: такого запивнагося человѣка даже запирали гдѣ-либо до вытрезвленія, но онъ все-таки какимъ-то способомъ добывалъ себѣ водки и продолжалъ пить. Старшій садовникъ, бывшій въ ученіи въ Москвѣ, человѣкъ сравнительно развитой, настоящій любитель и знатокъ своего дѣла, заведшій у насъ померанцевыя и лимонныя деревья, дававшій ежегодно плоды, поставившій Спасское садоводство на поразительную высоту, впадалъ на цѣлыя недѣли въ запой, художникъ-токарь Івліи Тимофеевичъ шлль непробудно, какъ только у него заводились какія-нибудь деньжоки, лучшій нашъ паѣдникъ Никита шлль временами безъпросьба, самоучка-механикъ мельникъ Аонасіи страдалъ тѣмъ же, великолѣбно готовившій поваръ Федотъ, учившійся въ Москвѣ на кухнѣ Англійскаго клуба,—тоже, словомъ, все, за самыми рѣдкими исключеніями, дворовые были пьяницы.

Припоминаю одного двороваго, не изъ нашихъ крѣпостныхъ, но очень интереснаго человѣка—Івана Осипова. Онъ обладалъ двумя способностями: хорошо стригъ волосы и состоялъ прежде поэтому у своихъ господъ мужскимъ куаферомъ, а еще обладалъ поэтическимъ даромъ и былъ придворнымъ поэтомъ,—сочинялъ и подносилъ господамъ, по всевозможнымъ случаямъ, стихи, болшыю частью въ формѣ именьныхъ дифирамбовъ. Писалъ онъ и оды, длинныя и маловразумительныя. У меня сохранился случайно отрывокъ одного изъ его

стихотворений, свидетельствующей о томъ, что Осипъ обладалъ дѣйствительно даромъ римоплетства и склонною къ поэзіи и возвышенною душою. Вотъ этотъ огрызокъ.

РЪЧЬ ВЪ СТИХАХЪ.

Кипитъ мой духъ живымъ восторгомъ.
Когда на небо я гляжу....
Стою какъ будто передъ Богомъ
И весь восторгомъ трепещу!
Вотъ солнце дивною красою
По небу синему плыветъ,
Дождь сыплетъ, свѣзый, надъ землею
И жизнь природѣ всей даетъ.
Вотъ точно яркая лампада
Горитъ тамъ мѣсяцъ золотой
И служитъ сладкою отрадой
Во время темноты ночью!
Вотъ точно праведниковъ очи
Созвѣздя свѣтлыя блестятъ
И въ тишинѣ спокойной ночи
На насъ, какъ будто бы, глядятъ.
Какъ будто огоньки какіе
Зажглись невидимой рукой,
Какъ будто къ Вышнему Святые
На праздникъ собрались какой!..
.....
.....
Но нѣтъ! Бесплодною мечтою
Зачѣмъ по облакамъ летать!
Мы можемъ Бога предъ собою
И на землѣ здѣсь созерцать...

И несмотря на возвышенную душу и хорошую грамотность, Осипу невозможно было поручить никакого самостоятельнаго дѣла,—онъ, какъ только оставался на свободѣ и добывалъ гдѣ-либо деньжонокъ, напивался до безчувствія, а затѣмъ долго опохмелялся, вымаливая буквально на колѣняхъ у господъ (кто подобродушнѣе) и у своихъ же коллегъ хоть самую малость на приобретение сна-спительнаго лекарства,—т.-е. водки.

Припоминаю еще одного двороваго, тоже не нашего, пзряднаго пьяницу, но удивительнаго фантазера-разсказчика. Онъ служилъ лѣснымъ сторожемъ у одного изъ нашихъ сосѣдей и я съ нимъ часто видался въ періодъ охоты по тетеревамъ,—мѣстопоходженіе выводовъ которыхъ указывалъ всегда именно онъ. Онъ много, во время перерывовъ охоты для отдыха, рассказывалъ невѣроятныхъ исторій то съ участіемъ его самого въ нихъ, а то и постороннихъ ему лицъ. Одинъ изъ его разсказовъ настолько мнѣ понравился, что я его тогда же записалъ почти дословно. Разсказъ этотъ можно назвать «новѣтвованіемъ о безстрашномъ дворянинѣ». Содержаніе его таково:

— Жилъ около насъ по сосѣдству,—разсказывалъ сторожъ,—дворянинъ помѣщикъ, который ничего не боялся. Пробовали его страшить всячески, по такъ и не удалось запугать. Жилъ неподалеку, на хуторѣ нѣкоторый человѣкъ и жилъ будто какъ и всѣ, даже жену имѣлъ и племянники при немъ находились. Значился онъ крестьяниномъ и хуторъ арендовалъ у того помѣщика, но былъ онъ на самомъ дѣлѣ, какъ всѣмъ намъ доподлинно было извѣстно, колдунъ и много зла дѣлалъ: порчу напускалъ на людей, на скотину болѣзни и морь, даже погоду мѣнялъ. И вотъ померъ этотъ колдунъ и всѣ изъ его семьи и которые были хуторскіе жители, разбѣжались; на ночь никто при колдунѣ не рѣшался остаться. Узналъ о томъ дворянинъ и объявилъ, что пойдетъ почевать на хуторъ къ умершему колдуну. Сказалъ и сдѣлалъ: захватилъ съ собою бутылку водки, свѣчку и книжку и усѣлся читать въ горницѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Въ полночь колдунъ сталъ подниматься изъ гроба, но тутъ дворянинъ громовымъ голосомъ какъ закричитъ на него: «Ахъ ты с.... е!... Куда? Народъ пугать? Я те покажу какъ подниматься! На мѣсто с.... с...!» И колдунъ тотчасъ же улегся и ужъ больше въ эту ночь не вставалъ. Почевалъ тоже тотъ дворянинъ разъ на нашемъ кладбищѣ. А тамъ съ чего-то за послѣднее время покойники стали вылѣзать изъ могилъ и бродить по погосту. Какъ увидалъ это дворянинъ, открылъ онъ по покойникамъ палубу изъ пистолета, взятаго съ собою, да съ добавленіемъ такихъ крѣпкихъ словъ, что покойники сразу попрятались по своимъ мѣстамъ и ужъ болѣе не показывались. Ему тогда отъ всей округи благодарность была и угощеніе, и въ столицѣ пропечатано было, а звали его Ивавъ Иванычъ. Но съ тѣхъ поръ не было ему другого прозвища, какъ «безстрашный дворянинъ».

— Однажды пришелъ къ Ивану Ивановичу мужичокъ и доложилъ, что въ засѣкѣ объявилась большая шайка людоѣдовъ, и что они уже многихъ людей извели. Безстрашный дворянинъ не задумываясь долго, велѣлъ кучеру своему Кузьмѣ заложить бѣговья дрожки, надѣлъ новый кафтанъ, перетянулся потуже кушакомъ, взялъ охотничій ножъ, повѣсилъ черезъ плечо, какъ оно полагается порядочному дворянину, фляжку съ водкой и вмѣстѣ съ кучеромъ поѣхалъ въ засѣку. Отѣхавъ по лѣсу нѣсколько верстъ, видятъ они, лежитъ зарѣзанный человѣкъ, совсѣмъ голый, поперекъ дороги. Иванъ Ивановичъ зналъ хорошо и понималъ, что и къ чему и когда требуется, а потому сразу велѣлъ Кузьмѣ подобрать покойника и положить на дрожки. Такимъ манеромъ ѣдучи, подобрали они еще двоихъ покойниковъ, лежавшихъ поперекъ дороги голыми. Наконецъ вѣхали они на полянку, а тутъ видятъ—стоитъ изба, вродѣ какъ сторожка, только мохомъ крытая, а вокругъ нея валяются—прости Господи!—людскіе черепа, лодыжки и другія кости. Слѣзъ дворянинъ съ дрожекъ и сейчасъ въ избу. А въ ней духъ тяжелый, несносный и на скамьяхъ сидятъ людоѣды,—страшные, косматые, лохматые, бородатые, нечесашные, немые. Уставились глазами на дворянина, а сами молчатъ. Дворянинъ сразу-то чуть заробѣлъ и говоритъ этакъ, будто къ знакомымъ: «здорово, ребяташки!» Молчатъ людоѣды, только что другъ друга подталкиваютъ. Но тутъ дворянинъ уже подбодрился,—не такойскій онъ быть,—сѣлъ за столъ, снялъ съ себя флягу, сколько было ему потребно выпилъ и кричитъ въ окно: «Кузьма! Тащи ко мнѣ на закуску осетрину, что мы дорогой подобрали!» Кузьма внесъ перваго покойника и положилъ его передъ дворяниномъ на столъ, а у покойника голова свѣсилась и руки болтаются. Дворянинъ вынулъ свой ножъ, отрѣзалъ отъ покойника кусокъ, попробовалъ, вы-

плюнулъ и кричитъ Кузьмѣ: «Нѣтъ, этотъ не годится, не свѣжъ. Давай второго!» Кузьма принесъ второго, но и этотъ не понравился дворянину и онъ спросилъ третьяго. А людѣды жмутся и шепчуть про себя: «Экъ его! Мы-то хоть варимъ, а этотъ прямо сырьемъ жретъ!»

«Нѣтъ, закричалъ дворянинъ, и третій не годится. А ты вотъ что, Кузьма, поймай-ка миѣ свѣженькаго!» Людѣды все зажались, еле дышать. Кузьма вышелъ впередъ, выставилъ ногу, засучилъ рукава, вытянулъ руки и спрашиваетъ: «какого прикажете Ваше благородіе?» «А какого поймаешь», спокойно отвѣтилъ дворянинъ. Тутъ все людѣды какъ прыснутъ: кто туда, кто сюда, этотъ въ дверь, тотъ въ окно—все разбѣжались, только ихъ и видѣли! А Иванъ Ивановичъ забралъ людѣдскую шкатулку,—а въ ней были большія деньги и вернулся, какъ ни въ чемъ не бывало, домой. Такъ на вѣкъ за нимъ и осталось прозвище «безстрашный дворянинъ».

Въ видѣ иллюстраціи того, какъ пили дворовые, приведу отрывокъ изъ письма моего отца къ матери (въ сороковыхъ годахъ), изъ Тамбова въ Спасское, отстоящее отъ него въ 50 верстахъ:

«... Отправившіеся поутру транспортъ не совсемъ благополучно достигъ своего назначенія. Ежели не кривая Матрена, то я и не знаю, чѣмъ бы это дѣло кончилось. Посланные, помня Николу*), котораго празднуютъ три дня, напились, и продолжали подливать по дорогѣ отъ Горѣлова. Подливанье это дошло наконецъ до того, что Семень лежалъ на возу безъ всякихъ чувствъ и правилъ до Тамбова пьяный Андрей. Наконецъ въ Тамбовѣ лошади шарахнулись и на нервомъ ухабѣ онъ свалился. Лошади понесли кривую. Какой-то проходившій солдатъ остановилъ ихъ и связалъ порванные постромки. Между тѣмъ сзади привязанный Артуръ**), испугавшись, началъ бить, а солдатъ отказался проводить Матрену до двора, ибо ему слѣдовало куда-то идти на дежурство. Матрена, не зная Тамбова, одна на возу съ совершенно безчувственнымъ Семеномъ, одною рукою держитъ возжи, а другою поводитъ Артура, и изволилъ двигаться. Наконецъ какой-то проходившій, по врожденному человѣку чувству состраданія къ ближнему, сѣлъ на сани и за гривенникъ взялся доставить ее до дому, что и совершилъ добросовѣстно. Семени не могли даже растрясти. Въ это время я пріѣхалъ и встрѣтилъ у нашей церкви Филиппа и Якова, отправившихся за попомъ Андрея. Матрена, не зная города и кружившись по разнымъ направленіямъ его, сначала безъ проводника, никакъ не могла сказать, гдѣ свалился Андрей. Яковъ пошелъ на поиски. Между тѣмъ времени прошло часа полтора и я, опасаясь, чтобы Андрея не зашибли или не ограбили, послалъ Филиппа справиться въ обѣихъ полицейскихъ частяхъ и заявить на всякій случай о происшествіи. Между тѣмъ Семень ознобилъ себѣ руки и ноги, которыя ему оттираютъ холодною гущей и кажется успѣшно».

Въ концѣ длиннаго письма, на третій день по пріѣздѣ отца въ Тамбовъ, значилось еще: «Семень вѣроятно потеряетъ руку, во всякомъ случаѣ долго проболѣетъ. Я намѣренъ помѣстить его въ больницу». —Предположеніе отца, однако, не осуществилось, Семень руки не потерялъ. Я и его, и упоминавшихся въ письмѣ Андрея и Филиппа, Якова и даже кривую Матрену хорошо зналъ. Семепъ состоялъ въ мое время кучеромъ и расположенія къ вину не потерялъ.

*) Письмо датировано 8-мъ декабря.

**) Лошадь.

Въ приведенномъ отрывкѣ письма характернымъ является тоже количество при-
слуги, окружавшей господъ. Приѣзда отца въ Тамбовъ (у насъ тамъ былъ обычно
пустовавшій небольшой флигель—комнаты въ три) уже ждали Филиппъ и Яковъ,
съ подводой ѣхали туда же трое, да еще отецъ въ письмѣ къ матери пишетъ:
«Пришли ко мнѣ вмѣстѣ съ почтовымъ посломъ Ивана Пвкина». А приѣзжалъ
отецъ въ Тамбовъ только на время дворянскихъ выборовъ.

Тѣ изъ дворовыхъ, кто не принадлежали къ категоріи пьяницъ (даже
глухо-нѣмой сапожникъ и тотъ напивался каждый праздникъ), тѣ ужъ зато
совсѣмъ не пили; умѣреннаго употребленія вина не существовало. На селѣ, въ
крестьянствѣ, такого расположенія къ пьянству не замѣчалось; пьяницъ было
очень немного и злоупотребленія спиртными напитками было лишь въ большіе,
особенно же въ храмовые, праздники.

II. Д а в ы д о в ь .

Э. Я. Шаповаловъ.
«Дождальсь».